

А. С. Голикова

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: д. ф. н. В. А. Миловидов

МОРФОЛОГИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА КАК ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Для художественного текста (и, следовательно, для художественного перевода) важную роль играет не только культура, но и сам язык вместе с его лингвистическими характеристиками. Так, для создания художественного впечатления могут использоваться самые разные особенности языка – наличие или отсутствие категорий грамматического рода или определённости/неопределённости, времена глаголов и т. д. Данная статья рассматривает некоторые из множества особенностей морфологии арабского языка, проблемы, которые эти особенности могут представить для переводчика, и способы переноса этих особенностей в русский язык.

Арабский и русский языки относятся не только к разным семьям (семитская и славянская семьи языков соответственно), но и к разным макросемьям (афразийская и индоевропейская соответственно). Таким образом, эти языки радикально отличаются друг от друга, и, пожалуй, главным среди этих отличий является то, как эти языки понимают корень. В арабском языке корень представляет собой три (реже две, четыре или пять) букв. Новые словоформы и части речи образуются путём добавления к этому корню определённых букв перед, после или между буквами корня, а также сменой огласовок между этими буквами [Юшманов 2008: 21]. Так, начальной формой глагола считается форма 3 лица, единственного числа, мужского рода, прошедшего времени (напр. خَرَجَ *kharaja* – «он выходил» или كَسَرَ *kasara* – «он ломал, разбивал»). Чтобы придать глаголу каузативное значение, к нему добавляется приставка أَ- أَخْرَجَ *akhraja*, «он выводил». Чтобы придать ему возвратное переходное значение, добавляется приставка أَنْ- (أَنْكَسَرَ *inkasara* – «ломаться»), возвратное непереходное – приставка اِ- (اِكْتَسَرَ *iktasara* – «ломать себе»), и т. д. [Юшманов 2008: 24-27] Чтобы образовать действительное причастие, необходимо после первой буквы добавить ل- (если глагол в своей начальной форме состоит из трёх букв с тремя огласовками-фатихами, например: كَتَبَ *kataba* – «он писал», كَاتِبَ *kateb* – «пишущий», также сущ. «писатель»). Чтобы образовать причастие страдательное, необходимо добавить к глаголу из трёх букв и трёх огласовок-фатих приставку مَ- и вставку و (مَكْتُوبٌ *maktub* – «написанный», «написанное»; также сущ. «судьба» (т.е. «предначертанное»). Действительные и страдательные причастия от глаголов с другими начальными формами образуются с помощью приставки مُ- (أُدْرَسَ *adrasa* –

«учить», «преподавать», مُدَرِّس mudarris – «учитель»; أَنْتَج antaja – «производить»; مُنْتَج muntaj – «произведённое» или «продукт»), и т. д. [Ли 2010: 243-245]

Морфология арабского языка весьма гибка, и почти от любой арабской основы можно произвести почти любое слово и любую часть речи (тем более что, как мы видим выше, одно и то же слово может играть роль и существительного, и причастия). Точно так же можно из любого заимствованного слова выделить основу и образовывать от неё новые слова по правилам арабского языка. В двух примерах ниже мы будем иметь дело именно со словами, образованными от иноязычных основ (возможно, в частности, именно поэтому основы состоят из четырёх букв):

أغلبهم طلبة في الصفوف العليا التي كان مقرراً أن تتخرج منها أول دفعة من المثقفين والموظفين
الجزائريين المفرنسين.

[Mosteghanemi 2000: 31]

Aghlabahum talaba fi s-sufuf al-'aliya al-lati kana muqarraran an tatakhraj minha awwal dafa'a min al-muthaqqafin wa al-muwadhdhafin al-jaza'irin al-mufransiyyin.

В основном это были ученики старших классов, которые, как задумывалось, должны были стать первым выпуском офранцузенных алжирцев – интеллигентов и чиновников. (Здесь и далее перевод наш – А. Г.)

От слова فَرَنْسَا (Faransa, «Франция») или فَرَنْسِي (faransi, «француз, французский») была образована, путём удаления окончания, четырехбуквенная глагольная основа فَرَنْسَ – farnasa, «офранцузивать, придавать французский характер» [Арабус: URL]. От неё с помощью приставки مُ- и окончания -ين (указывающего на прилагательное или причастие мужского рода, множественного числа и косвенного падежа), было образовано страдательное причастие مفرنسين.

وقد كان يمكن لزياد أن يفلسف أيضاً رمز الجسر بأكثر من طريقة..

[Mosteghanemi 2000: 208]

Wa qad kana yumkin li Ziyad an yaflasuf aydhan ramz al-jisr bi akthar min tariqa...

Зияд мог бы зайти в своих философствованиях дальше и проинтерпретировать символ моста (букв. «профилософствовать/отфилософствовать символ моста») другими способами...

Здесь от существительного فَلَاسِفَة (falsafa, философия) путём удаления окончания также была образована четырехбуквенная основа глагола فَلَاسَفَ (falsafa, «философствовать, философски обосновывать» [Арабус: URL]), от

которого была образована форма изъявительного наклонения, настоящего времени, единственного числа, 3 лица, мужского рода *يفلسف* *yaflasuf*. Ни одно из вышеописанных слов не является авторским окказионализмом, но, поскольку русский язык в данных случаях позволяет сделать то же, что в арабском – образовать слово от иноязычной основы путём средств морфологии своего языка – было решено поступить именно так, чтобы по возможности сохранить в переводе форму оригинала.

Другой особенностью, связанной с корнями с словообразованием в арабском языке, является то, что образ знака в арабском языке очень богат, так как в каждом новообразованном слове или форме ясно видны буквы, образующие корень. Далеко не каждому носителю русского языка очевидно, что, например, слова «кручина» и «крутить», или «печь» и «печаль» - однокоренные; но, если бы они были однокоренными в арабском, это было бы очевидно. Таким образом, в арабском слове всегда присутствует изначальный корень, который несёт с собой дополнительные коннотации, причём иногда эти коннотации оказываются весьма неожиданными и, как кажется, не имеют отношения к смыслу корня. Пример, приведённый Н. Д. Финкельберг: в одном из арабских толковых словарей указано употребление глагола *كَبَسَ* (*kabasa*) в следующих смыслах – «закутаться с головой в одежду; вторгнуться толпой в дом; заливать репу и подобное ей уксусом; сдавливать что-либо; добавлять к году день (о високосном годе)», в то время как изначально этот глагол обозначал ситуацию, когда колодец засыпало песком. Что общего у всех этих значений (которые, соответственно, будут проявляться и в образованных от этого глагола словах)? Скорее всего, все они имеют такие признаки, как сдавленность, сжатие, помещение внутрь, нарушение естественного состояния объекта и – как правило – внезапность и, возможно, вредные последствия (которые влечёт за собой для жителей пустыни колодец, засыпанный песком) [Финкельберг 2010: 149-150].

В примерах, приведённых ниже, мы увидим, как проявляется эта особенность в художественном тексте на современном арабском языке и можно ли её передать:

كنت هنا أعرض عليك أبوتي, وكنت تعرضين علي أمومتك.

[Mosteghanemi 2000: 118]

Kuntu huna a'aradh 'aleyki ubuwwati, wa kunti ta'aridhina aley umuwwatuki.

Здесь, в этом выставочном зале, я демонстрировал тебе отцовскую сторону своей натуры, а ты мне – материнскую сторону своей...

Глагол *عَرَضَ* ('aradha) имеет множество значений, но здесь употребляется как «показывать, демонстрировать». Однокоренное ему слово *مَعْرَض* (*ma'aridh*) значит «выставка», в том числе и выставка

живописи – именно в таком смысле оно употребляется в переводимом нами романе:

أليس هو الذي أتى بنا (...) ليجمعنا في قاعة بباريس في حفل إفتتاح معرض للرسم؟
[Mosteghanemi 2000: 31]

A leisa huwa al-ladhi ata bina (...) li yajma'ana fi qa'a bi Baris, fi half iftitah ma'aridh li r-rasm?

Ведь кто, как не судьба, привёл нас (...) в один и тот же зал в Париже, где проходила церемония открытия художественной выставки?

Главный герой-художник встретил на своей выставке девушку, в которую безумно влюбился, и она использует эту же выставку, чтобы побеседовать с героем втайне от своей многочисленной и любознательной семьи. Скорее всего, глагол, однокоренной слову «выставка», появился в цитируемом предложении не случайно, и, поскольку едва ли можно подобрать однокоренной глагол в русском переводе, приходится пользоваться приёмом компенсации, очень характерным для переводов с арабского [Финкельберг 2010: 346-347].

Этот же прием употребляется в следующем примере:

نحن ساديون بفطرتنا. يحلو لنا أن نسمع عذابات الآخرين (...)
[Mosteghanemi 2000: 144]

Nahnu sadiyun bi fitratana. Yahlu lina an nasma'a 'adhabat al-akhirin (...)
Мы садисты по природе своей – мучения других сладки для нас.

Глагол يحلو (yahlu) означает «нравиться, быть предпочтительным» и в большинстве случаев в романе он переводится именно так:

يحلو لي الجلوس هنا على حافة
المطر (...)
[Mosteghanemi 2000: 160]
*Мне нравится сидеть Yahlu li al-julus huna
здесь, когда идёт 'ala hafat al-matar...
дождь...*

(...) وكننت أنا يده كما كان يحلو له
أن يقول.
[Mosteghanemi 2000: 203]
*...а я, как Зияд любил (...) wa kuntu ana
говорить, был его yadahu kama kana
рукой. yahlu lahu an yaqul.*

Но этот глагол также является однокоренным слову حلو (hulu) – «сладкий, приятный, красивый, прелестный» [Арабус: URL]. Не во всех случаях эту связь между словами удаётся сохранить, и не всегда это требуется, но когда русский язык позволяет это сделать, как в приведённой выше цитате, лучше так и поступить.

Если два последних примера в значительной степени субъективны, как и многие переводческие решения, то следующий пример – нет:

أتأمل طويلاً صورتك, على ظهر روايتك التي أهديتها دون إهداء.
[Mosteghanemi 2000: 187]

Atamalu tawilan surataki 'ala dhahr ruwayataki al-lati ahdaytiniha duna ihda'.

Я долго рассматриваю фотографию на задней обложке твоей книги, подаренной мне без дарственной надписи.

Глагол أهدى (ahda, «дарить») и существительное إهداء (ihda') являются однокоренными словами. Словарь Баранова определяет إهداء как «преподнесение подарка, посвящение книги» [Арабус: URL], но здесь под ним понимается автограф (потому что из текста следует, что автор написала бы его от руки в уже напечатанной книге), который героиня отказалась давать герою, объяснив это тем, что «автографы пишут только для чужих. Место тех, кого любят – на не первой, чистой странице, а на тех, что исписаны» (إننا نخط إهداء للغرباء فقط.. وأما نحبهم فمكانهم ليس في الصفحة البيضاء) (الأولى, وإنما في صفحات الكتاب.. [Mosteghanemi 2000: 124]. То, что эти два слова поставлены рядом, указывает на игру слов или на элемент парадокса, который при переводе необходимо сохранить, подобрав однокоренные или похожие слова и в русском языке.

Другой и последней особенностью арабской морфологии, которой мы здесь коснёмся, являются формы глагола. Для арабского языка предложения без подлежащего являются нормой, так как благодаря приставкам, окончаниям и описанным выше способам придания глаголу возвратности при взгляде на арабский глагол его форма (наклонение, лицо, число, род, время) очевидна без контекста. Как правило, предложения без подлежащего имеют нейтральную стилистическую окраску, однако в некоторых случаях они могут служить для речевой характеристики персонажа, как мы увидим ниже.

ظل يتأملني قبل أن يحتضنني بشوق وكأنه ينتظرنني هناك منذ سنة. ثم قال:

جئت!..!

وأجبتة بفرح وبحزن غامض معاً:

جئت!..!

كان (سي الطاهر) هكذا أحياناً, يكون موجزاً حتى في فرحته؛ فكنت موجزاً معه في حزني أيضاً.

[Mosteghanemi 2000: 33]

Dhala yata'maluni qabl an yahtadhanani bi shawq wa ka'annahu yantadhirni hunak mindhu sina. Thumma qala: "Ja'ata!" Wa ajabtuhu bi farh wa bi huzm ghamidh ma'an: "Ja'atu!"

Kana si at-Taher hakadha ahyanan, yakun mawjazan hatta fi farhatahu; fa kuntu mawjazan ma'ahu fi huzni aydhan.

Вместо этого он долго меня разглядывал, а потом крепко обнял, будто целый год ждал, и воскликнул:

- [Ты] Пришёл?!...

- [Я] Пришёл! - ответил я радостно и в то же время с неясной грустью. Мы с си ат-Тахером иногда бывали немногословными - он в минуты радости, я в минуты печали.

«Пришёл» и «пришёл» в оригинале являются омографами – они одинаково пишутся, но имеют разные огласовки, указывающие на лицо глагола. Подобные омографы в тексте встречаются постоянно, и передать их в переводе не всегда получается и не всегда необходимо:

(...) я <u>остался</u> на своём <u>Baqeitu</u> fi makani, wa	بقيت في مكاني, وبقيت في مكانك
месте, и ты <u>осталась</u> на <u>baqeiti</u> fi makanaki	(...)
своём месте (...)	(...)
(...) <u>сказал</u> я тебе (...)	<u>قلت</u> لك: (...)
<u>возразила</u> ты (...)	(...)
	[Mosteghanemi 2000: 116]
	[Mosteghanemi 2000: 106]

Тем не менее, в данном случае однословные реплики-омографы, во-первых, служат для характеристики персонажей (см. подчеркнутые слова), а во-вторых, являются стилистическим приёмом (повтор-параллелизм), поэтому предпочтительнее сохранить их в переводе.

Предложение без подлежащего также может использоваться, чтобы избежать указания на действующее лицо:

(...) كانت (أما الزهرة) قد أخذت منك العلبه وذهبت بها إلى مكان آخر وهي تقول: «يعطيك الصحة يا وليدي.. وعلاش عيبت روحك يا خالد يا بني.. وجهك يكفيننا..»
[Mosteghanemi 2000: 113]

Kanat Amma az-Zahra qad akhadhat minki al-‘alba wa dhahabat biha ila makan akhir wa hiya taqul: “Ya’atak as-sihha ya walidi... wa ‘alash ‘ayyat ruhak ya Khaled, ya bani... wajahak yakfina”.

Амма аз-Захра отобрала у тебя коробку и перенесла её в другое место со словами:

- Дай Бог тебе здоровья, сынок, а подарков нам не надо... Главное, что ты здесь, Халед, сынок мой... [букв.: «[Он] даёт тебе здоровье... Зачем твоя душа волновалась? Нам достаточно твоего лица».]

В тексте имеется множество указаний на то, что Амма аз-Захра – очень набожная и даже суеверная женщина: «А бабушка (...) стала ходить на могилы святых, плакать и молиться, чтобы у сына наконец-то появилось потомство (..)فراحت تزور الأولياء والصالحين متضرعة باكية ليكون لابنها أخيراً ذرية)» [Mosteghanemi 2000: 108]. В данном случае она говорит предложением без подлежащего, чтобы не упоминать слово «Бог» без надобности, хотя

очевидно, что имеется в виду именно это слово. Очевидно, что подобный приём нельзя назвать эвфемизацией в грамматике, так как эвфемизация подразумевает сокрытие чего-то неприятного или оскорбительного [Рубина 2011: 36], а здесь за сокрытием актанта стоит прямо противоположный мотив – очень большое уважение; однако данный механизм близок к эвфемизации.

Таким образом, нам удалось доказать, что лингвистические особенности художественного текста так же важны для переводчика, как экстралингвистические, и им стоит уделять такое же пристальное внимание. Данная тема требует более существенного исследования в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

«100% Арабский. Начальный уровень» (Random House Company) под редакцией Одри Ли и Алексеева И. Л. (редактор русского текста). – М.: Дельта Паблишинг, 1-е изд. 2010. – 700 стр.

АРАБУС beta (арабско-русский и русско-арабский словарь онлайн, составленный на основе арабско-русского словаря Баранова). – URL: <http://arabus.ru/>. – Дата обращения: 22.04.2018.

Рубина Н. Б. «Эвфемизм» и «политическая корректность» в современном английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 4. – С. 35-41.

Финкельберг Н. Д. Арабский язык: теория и технология перевода: учебное пособие. – М.: Восточная книга, 2010. – 400 с.

Юшманов Н. В. Грамматика литературного арабского языка / Под ред. и с предисл. И. Ю. Крачковского. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 168 с. (Языки народов мира.)

Mosteghanemi A. Zhakirat al-jisd. – Beirut, Dar al-Adab, 2000. – 406 s.